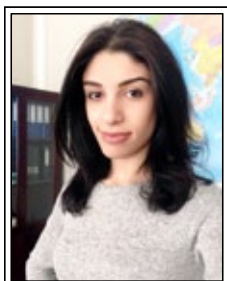

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Эдна О'ШОНЕССИ

доктор медицинских наук (Dr. med.), профессор, отделение психиатрии, медицинский факультет. Университет имени Диего Порталеса. Чили, Сантьяго-де-Чиле, Проспект Ла Пас, 841; e-mail: odoerrz@gmail.com

Гаяне АЛИХАНЯН (перевод)

специалист по распространению международных каналов, Дальнее Зарубежье. Всероссийская государственная телерадиовещательная компания (ВГТРК). 115162, Российская Федерация, Москва, ул. Шаболовка, д. 37; e-mail: alikhanyan.gayane@gmail.com

НЕВИДИМЫЙ ЭДИПОВ КОМПЛЕКС

В статье приводится доклад автора на конференции, посвящённой Мелани Кляйн и проблеме Эдипова комплекса (Лондон, 1987). Являясь представителем группы посткляйнианских аналитиков, автор уделяет большое внимание исследованию бессознательных фантазий, которые, по её мнению, лежат в основе всех психических процессов. Задача, которую автор ставит перед собой, заключается в предельно ясном толковании бессознательных фантазий, возникающих в процессе переноса и контрпереноса.

Развивая идеи З. Фрейда и М. Кляйн, автор показывает, что прохождение через эдипальный период может быть настолько тяжёлым для маленького ребёнка, что он будет стараться избежать его. Причиной тому может служить, к примеру, депрессия в раннем детстве. Уже во взрослом возрасте такой пациент стремится защитить себя и сохранить Эдипов комплекс невидимым, что существенно усложняет работу аналитика. Автор подчёркивает, что это вовсе не означает, что комплекс отсутствует, он присутствует в виде угрозы,

против которой и направлена защита. Какой эффект имеет невидимый Эдипов комплекс, в клинической практике можно увидеть на примере двух историй, подробно изложенных в статье.

Ключевые слова: философская антропология, психоанализ, Эдипов комплекс, перенос, проективная идентификация, объектные отношения, эдипальный треугольник, объединённая родительская фигура, защитные механизмы, расщепление сексуального объекта

Актуальный спор об Эдиповом комплексе, который является действительно универсальным и играет ключевую роль, по-прежнему следует рассматривать как «ядро процесса развития». Это клинический факт, что существуют длительные периоды анализа – как предлагали некоторые, возможно, даже весь психоанализ, – в которых как будто мало или вообще отсутствует эдипальный материал. В попытке объяснить этот факт психоаналитики пошли разными путями. Один из путей, избранный Х. Кохутом и его последователями [4], предполагает оставить в стороне Эдипов комплекс, постулировать теорию психологии самости (Self-психологии) и рекомендовать новую клиническую технику, которая фокусируется на утрате (депривации) и предлагает восстановление (возмещение). Кляйнианцы придерживаются противоположных взглядов. Согласно их подходу, Эдипов комплекс, который я называю «невидимым», является таковым не потому, что он не важен, а потому, что он настолько значителен и осязателен пациентом (по каким бы то ни было причинам) как нечто невозможное для обсуждения, что он задействует психические средства, чтобы сделать и сохранить Эдипов комплекс невидимым.

В этой главе я остановлюсь на одном небольшом участке Эдипова комплекса – на его начальных стадиях, к которым приводят нарушения раннего развития. Когда М. Кляйн [1; 3] добавила ранние стадии и позже связала депрессивную установку, от которой, по её мнению, зависит психическое здоровье, с центральным комплексом Фрейда, она расширила эмоциональную констелляцию, исходя из которой Эдипов комплекс каждого пациента приобретает свой особый характер. Пациенты, описываемые мной, борются изо всех сил, чтобы вытравить раннюю эдипальную ситуацию, которая постоянно угрожает им. Как станет очевидно, чувство отчуждения, проблемы разобщённости и одиночества при наличии эдипальной пары и прежде всего характерный тип сексуального расщепления являются основными у этих пациентов.

Я начну с подробного отчёта о Леоне, который в 11-летнем возрасте близится к периоду полового созревания, но психическая жизнь которого всё ещё в значительной мере занята защитными механизмами

против своих нарушенных отношений с первичными объектами и травмирующей ранней Эдиповой констелляции. Его главной проблемой была паника, которая охватывала его при любой новой ситуации. Когда он начал наблюдаться, ему предстояло перейти в среднюю школу, и его родители думали, что ему это никогда не удастся. Во всём остальном они мне говорили – хотя отец казался и не совсем убеждённым в этом, – что у ребёнка «не было проблем». Он был «просто обычный мальчик». Леон был их первым ребёнком, сразу после которого родился второй, ещё один мальчик, зачатый, когда Леону было четыре месяца. Младший брат Леона был на голову выше, шумный и активный, в то время как Леон оставался в своей комнате с книжкой, хотя иногда и выходил поиграть, если друг брал на себя эту инициативу. Лишь с большим трудом его мать могла заставить себя говорить о детстве Леона, которое, по её словам, было «ужасным». Он плакал часами, она не могла вынести этого, так же как и грудное вскармливание. «Не то, что я ожидала», – всё время повторяла она. Эта ограниченная и, в частности, со стороны матери, непроницаемая общая картина о Леоне – невыносимом, как младенец, а теперь с непризнанными тревогами, с родителями, которые не ожидают, что он захочет или вообще будет в состоянии управлять своей жизнью, – в точности предвещала часть того, что раскрылось в ходе анализа.

В первый день Леон сел напротив меня. Движением, похожим на ввинчивание, он втиснулся между двумя подушками на маленькой скамейке. За исключением двух сеансов, за первые 18 месяцев психоанализа он покидал свою скамейку только для того, чтобы сходить в туалет. Он смотрел на меня сквозь две разные пары очков: одни оценивали, как его мама, другие – как его папа, проверяя комнату или меня на предмет малейшего движения или изменения. Любое изменение его действительно тревожило. Он казался младше своих лет: депрессивный, неуклюжий, мягкий мальчик, не имевший почти никакой надежды быть понятым. Его внешний вид мог меняться поразительным образом. Он мог «превратиться» в своего отца или в мать; также он «превращался» в маленького больного ребёнка, а иногда выглядел чересчур взрослым. На мой взгляд, причиной этих перевоплощений были проекция и почти полное отождествление с его объектами на раннем уровне чувств. Образы, которые он впустил или которые, как он считал, сами ворвались в его внутренний мир, он ощущал на вполне конкретном физическом уровне; они владели им, и он их воплощал. Леон воспринимал психоанализ как некое беспокойство, он был одновременно и против и, к счастью, за. Как-то он сказал: «Я не хочу вас, вы мне нужны».

Поначалу, после того как он располагался между подушками и быстро сканировал комнату на предмет каких-либо изменений, он проводил свои сеансы молча всматриваясь в пол или в дверь напротив него. Я сделала вывод, что он видел точки на полу, они «притягивали

его» и «кружили ему голову», но, отводя взгляд в сторону, он мог выйти из этого состояния. Он сказал, что «видит узоры» на двери, и показал то, что он называл «узорами»: отчётливый образ пениса с яичками. Он рассказывал, как дверь придвигалась всё ближе и ближе, но если он выходил из комнаты и возвращался обратно, дверь снова оказывалась на должном расстоянии. Он сообщал об этих вещах безразличным тоном в ответ на мои вопросы в течение многих сеансов. Тревога, которая лежала в основе этих галлюцинаций, и его увлечение ими полностью расщепились. Казалось, что он разбивал на точки и узоры два ужасающих его внутренних объекта и выливал их из своего сознания на пол и дверь. Там он наблюдал за ними, отказавшись от контакта со мной или от игровой комнаты, стараясь держать себя в руках и оставаться свободным от тревоги и эмоциональной наполненности. Ему никогда не удавалось долго оставаться психически незадействованным и выключенным. Моментально им овладевал страх, или вспышка ненависти по отношению ко мне, или острая депрессия, или внезапная нежность. Он быстро избавлялся от этих сильных противоречивых чувств, которые терзали его. Он был в состоянии постоянного конфликта – отказаться ли от контакта **или же разрешить его – конфликта, о котором свидетельствовали его ноги**: они задвигались под скамейку, затем вытягивались в мою сторону и снова прятались. Иногда он закрывал уши, но чаще внимательно слушал. После первых нескольких месяцев его огромная скрытая тревога значительно уменьшилась, что принесло ему большое облегчение. И, к удивлению своих родителей, он перешёл в среднюю школу без какой-либо паники.

Это подводит меня теперь к теме Эдипова комплекса Леона. Было возможно и необходимо продолжать раскрывать содержание его страха перед мельчайшими изменениями, его потребности в пустоте сознания, его желания всегда вызывать во мне любопытство и предельное внимание, его хронического беспокойства о том, что я его не пойму, но подойду слишком близко или ущемлю его чувства, и т. д. и т. п. Но между кем и чем происходили эти процессы? Каково было символическое значение или равноценность того, что Леон помещал себя между двумя подушками на скамейке? В чём был смысл его страха, вызванного изменениями? Кем или чем была я в процессе переноса? В оголённой вселенной Леона я обнаружила, что говорить о смысле трудно: это звучало искусственно, и если я упорствовала, это также вызывало его тревогу и ненависть.

Если рассмотреть это более подробно, то когда я утверждала, что он не ожидал от меня понимания, он иногда с облегчением допускал такую трактовку, и при этом я явственно замечала оттенок злорадства. В то же время, стоило мне зайти чуть дальше и вести себя как неадекватный родитель, он становился беспокойным. «Нет! Вы не такая, как моя мама». Одна из проблем, которая выявилась, заключа-

лась в следующем: если я говорила пренебрежительно о его родителях и нарциссически превозносила себя над ними, это вызывало у него не только благосклонность к родителям, но и страх подлого сговора со мной против них. Однако помимо этого было нечто более важное. Если я упоминала о себе как о родителе в переносе, это приводило Леона в ярость и он испытывал сильное беспокойство; и наоборот, если я трактовала его проекцию на меня как на смущённого ребёнка, в то время как он ощущал себя в роли совершенно безразличного отца или матери (в ходе сеансов часто проявлялось одно из поведений), Леону особенно нравилась та часть моей интерпретации, в которой я говорила о себе как о ребёнке. Он воспринимал это с удовлетворением, словно говорил: «Ах, вы признаёте это. Вы и есть ребёнок». Таким образом, в то время как внешне он подчинялся воле родителей, которые якобы организовали для него нечто, называемое психоанализом, часть его имела другое представление о происходящем: он был взрослым, а его родители и я – маленькими, он занимался более привлекательными и важными занятиями – головокружительное притяжение пола и приближение двери – и со своей высоты смотрел на наши мелкие дела, иногда даже покровительствуя нам. В одном из своих редких спонтанных замечаний он заявил мне высокомерно: «Я знаю все ваши мелкие привычки. Я знаю, как ваши часы скользят по вашей руке. Я знаю, как соскальзывает ваша обувь». Эти два выбранных наблюдения точны. Я думала, что их смысл в том, что он знал, как мои часы – то есть глаза его матери – имели привычку скользить вокруг него, но не видеть его по-настоящему. Он также знал привычку своего отца, который не оставался в себе и как бы ускользал, т. е., проецируя себя в Леона, он слишком сильно соприкасался и связывался с ним. Но Леон не хотел, чтобы эти «мелкие привычки» были феноменом переноса с таким подтекстом, где есть связь между моими часами и глазами его матери. Он оборвал связь между своим внутренним миром и психоанализом, который он лишил смысла, и хотел, чтобы я приняла этот его «разрыв», а также чтобы поддержала его всемогущую фантазию-инверсию о том, что он большой, а я маленькая, и присоединилась к нему, как и в остальных вещах.

Также в этот период я обращала внимание Леона на то, что он чаще всего говорил так тихо, что я придвигалась к нему, чтобы расслышать, а также на то, что мне приходилось задавать ему вопросы, потому что он редко говорил добровольно. Я объяснила, что он считал, будто заставил меня приблизиться настолько, что я стала как подушки рядом с ним. Я указала на то, что он хотел, чтобы я находилась очень близко, никогда не беспокоила его, не устанавливала каких-либо связей и не ожидала, что он изменится, в то время как он сидел и неподвижно наблюдал со своей «высоты». Леон согласился, что это было то, что он хотел. Он также преувеличивал значение последующих непринуждённо подмеченных сведений о себе, когда я связала то, что он мне разрешил

увидеть в игровой комнате, с его мечтательностью во время занятий в школе и любовью оставаться в своей комнате у себя дома. Но, когда я пыталась изучить смысл (казалось, почти всегда была какая-то часть его это, для которой смысл оставался некой возможностью, несмотря на его постоянное обнажение) его этой «высокой наблюдательной позиции», впрочем, объясняя ему последовательно, что движениями, которые он делал, когда садился, он представлял, что помещает себя в дом в теле матери, чтобы быть ребёнком там, внутри неё, или что он чувствовал, будто удерживал отца и мать по обе стороны от себя и таким образом предотвращал их перемещение и сближение друг с другом, или что иногда он чувствовал себя большим и издали видел меня маленькой, Леон становился одновременно взбешённым и встревоженным. Часто он выбегал из комнаты в туалет, затыкал уши по возвращении и говорил: «Я ненавижу ваши разговоры».

В такие моменты, вместо выполнения роли его подушек, – он как-то сказал, что не замечает другие незначительные перемены в комнате до тех пор, пока подушки находятся на своём месте, – он видел, как я развиваю свою аналитическую функцию. Затем я стала как родители, которые перемещаются и тем самым разрушают его фантазию о том, что он находится внутри. Он выдал своё стремление спешно покинуть комнату тем, как он моментально вскочил со своего места на скамье – перемена, которая заставила его ненавидеть меня.

Интересно на мгновение вернуться к началу анализа, к тому моменту, когда случились первые перемены. Проверяя комнату и зная установленный порядок своих сеансов, Леон полностью сохранял фантазию о мире, где нет перемен, нет отдельности и разобщённости – интервалы между сеансами или в выходные дни для него не существовали. Этот привычный распорядок впервые был нарушен тем, что я не вышла на работу в понедельник из-за национального праздника. А он не смог приехать на последний сеанс на предыдущей неделе. В назначенное для сеанса время позвонил его отец и в панике сообщил, что он договорился встретиться с женой и сыном в метро, а затем привезти Леона ко мне, но их не было в условленном месте.

Во вторник, когда Леон приехал, на нём не было очков. Сначала он был в ужасе от того, что будет наказан из-за пропущенного сеанса и изгнан из своего «дома» на скамейке или даже из психоанализа вообще, он успокоился, когда я разъяснила причину его острого беспокойства. Затем он попытался снова приблизить меня к себе как свою подушку, сохраняя молчание, делая небольшие движения, для того чтобы завладеть моим вниманием. После этого он сказал, что на выходных уронил и разбил свои очки. Затем он близоруко уставился на дверь, на которой, как он сказал, были «волны», и на пол, на котором, по его выражению, были «кусочки не такие уж и приятные». Я думаю, что перемены в привычном распорядке Леон считал невыносимыми: он не смог приехать, разбил свои очки, также

разбил объекты, от которых «волны» и «неприятные кусочки» были лишь остатками, но настолько неясными, что было невозможно понять, что именно он раздробил на куски и вытолкнул наружу.

После восьми месяцев психоанализа (или около того) Леон стал лучше выдерживать контакт с содержимым своей психической жизни, и затем, по мере того как на некоторых сеансах возвращались элементы его ранней эдипальной ситуации, стал понятен характер перемен, которых он так страшился. **Во-первых, он сдвинулся со своей скамейки с тем, чтобы впервые сесть за стол.** Он достал пачку карточек, и мы сыграли в игру. **В душе он был чрезвычайно рад, что пересел.** На следующий день он снова сел за стол. Он вынул другую пачку карточек. Во время игры он сказал: «Эти карты чужие. Они лучше, чем мои», – как будто констатируя факт, принятый им и мной. Он больше никогда не приносил карты, и в течение ещё десяти месяцев больше не двигался со своей скамейки. Благодаря этому болезненному эпизоду он дал мне представление о травме, которой являлось и до сих пор является рождение его брата, и о его вере в семейную установку, что брат был лучше, чем он. Леон показал мне, что он уступил и не соперничал; в течение длительного времени он больше не старался что-то сделать в игровой комнате, так же как не старался дома или в школе.

Вслед за двумя сеансами с картами он прибегнул к различным манёврам, чтобы выяснить, когда следующие праздничные даты, фактически не спрашивая об этом напрямую. Когда я сообщила ему даты, он улыбнулся одной из своих редких улыбок и сказал: «Хорошо», – радостно кивая головой. Затем, по мере приближения праздников, несколько ранних эдипальных чувств втиснулись в его сознание.

В последний день недели Леон принёс пакет с конфетами. Он спросил, хочу ли я одну, слегка подчёркивая «хочу» и «одну». Я объяснила, что он хотел бы знать, нравилось ли мне то, что он предлагал, и действительно ли нравился мне он сам. Я стала говорить, что он выражал своё стремление ко мне как к матери, у которой был только он, в отличие от матери, у которой был ещё и его брат. Леон пришёл в ярость. Он быстрым движением вытянул и нажал кнопки на своих электронных наручных часах и сказал сердито: «Я проверяю время». Я сказала, что он почувствовал, что я упомянула его брата в неподходящее время, как раз тогда, когда он стремился ко мне, и теперь ярость и разочарование выплескивались из него. Я связала эти чувства с его младенчеством: как ребёнок, который всё ещё жил в нём, он чувствовал, что его мать, забеременев, когда ему было четыре месяца, стала носить под сердцем его брата в неподходящее время, потому что он, Леон, по-прежнему нуждался в ней. Леон продолжал яростно сжимать и тянуть свои часы, вся его ласковость испарилась. Он выбежал в туалет и вернулся с опустошённым и очень сонным видом. Правда, когда он прощался, он кивнул головой, как бы соглашаясь со мной.

В понедельник он был каким-то обременённым, и вместо того чтобы бегло проверить, всё ли было на месте в комнате, он всё с любопытством оглядывался по сторонам. Леон с тоской говорил о «кресле с подушкой» в дальнем углу комнаты. Это «кресло с подушкой» было шире и удобнее, но так как оно стояло не напротив меня, то я бы не смогла внимательно наблюдать за ним, как и он за мной. Он с огромной болью сказал, что оно было «далеко». Я не уверена, что именно это «кресло с подушкой» означало для него, но это был первый раз, когда Леон видел то место, куда он хотел, и понял, что не может этого сделать, что оно в тот момент было слишком далеко для него. Это его прозрение являло собой расширение горизонтов.

На последующих сеансах он не смотрел на «далёкий» стул. Он ограничил своё поле зрения небольшим участком пола под своими ногами. Каждый раз, когда он собирался что-то сказать, он закрывал рукой рот и останавливал себя. Он стал замкнутым и подавленным. Он был очень взволнован, когда я говорила о мощной силе в нём, которая заставляла его молчать и не двигаться, и о том, какой безнадёжной ему казалась возможность когда-либо достичь того, что он желал.

Последняя сессия недели была снова необычной. Леон вошёл, не глядя на меня, – даже когда я открыла входную дверь – и в игровой комнате он держал меня вне поля своего зрения. То, что он не хотел меня видеть, я объяснила тем, что в конце недели я не была с ним. Всё тело Леона затряслось, как будто ударные волны пронизывали его. Он с силой ударил ногой в мою сторону и показал грубый жест: «Да пошла ты!». Он расщепил свои чувства и стал отчуждённым. Он холодно произнёс: «Я с нетерпением жду праздников». Я согласилась, что так оно и было, он хотел быть свободным от меня – тогда являвшейся для него ненавистным неудобством. «Да», – ответил он с жестокой усмешкой. Я сделала ему замечание за его жестокую радость, и он мгновенно встревожился и выбежал в туалет; когда он вернулся, он прислушивался к моему голосу, чтобы оценить моё настроение. Когда я взглянула на него, у меня был шок. Совершенно бессознательно он оттопырил свою куртку будто бы беременная женщина, его лицо изменилось и стало походить на лицо его матери. Он присел, вид у него был всё более и более страдающий и нелюбимый. Я думаю, он вжился и полностью идентифицировался с ролью психоаналитика / матери, которых он жестоко называл «ненавистным неудобством». Когда я сказала, что он, судя по всему, в глубине души страдал из-за своей нелюбимой беременной матери, лицо Леона отражало его душевную боль. На мгновение это было настоящее горе, затем он стал сердитым и тревожным. Где-то в доме послышался шум. Он против своей воли выдавил слово «мужчина». «М-У-Ж-Ч-И-Н-А», – сказал он. Это было признание им присутствия отца, когда мать была беременна его братом.

Когда сеанс окончился, он одновременно старался отчаянно приблизить меня к себе своими привычными методами и неоднократно довольно угрожающе простукивал пальцами три раза, указывая, как

снова и снова наличествует это ненавистное, ужасающее три. Когда он шёл, то ткнул в стену, как будто чувствуя её солидарность и ощущая мешающее свойство брата или, возможно, отца, который стоял между ним и матерью.

Конец этого эпизода был в понедельник. Леон выглядел по-другому, впервые это был мальчик, приближающийся к половой зрелости, в стильных брюках, какие, наверное, выбрал бы себе двенадцатилетний. Сначала он был общительным и активным, чем обычно, но по ходу сеанса в нём нарастал конфликт – он вытягивал ноги и снова прятал их под скамейку, – размышляя, стоит ли продолжать идти вперёд или отступить.

За последнюю неделю он стал отстранённым наблюдателем со своего места между подушками. Сеансы остановились, и не было никаких существенных элементов – ни двойных, ни эдипальных. Предстоящие праздники Леон несколько идеализировал. Он сказал, что он был рад уйти, потому что здесь было «пусто» и «скучно».

Его Эдипов комплекс не был таким, где сексуальное влечение к матери и соперничество с отцом выходят на первый план. Леон начал не с родительской пары, а с угрожающей троицы – матери, ребёнка, которого она носила, и отца. Не было никакого соперничества, напротив, как это выяснилось на сеансах с игральными картами, он сдался. Леон не соперничал ни с родным братом, ни с отцом – он отступил. Начало эдипальной ситуации было настолько невыносимым для него, что он вытеснил свою собственную сексуальность и сексуальность родителей. Когда мы начали анализ, его внутренние сексуальные объекты были извергнуты на пол и дверь и он выглядел бесполом. На полу была смущённая вагина и рот, которые ежеминутно разбивались на точки и затягивали его или кружили ему голову, что он находил «не таким уж и приятным». На двери был более полноценный образ пениса отца, угрожающе агрессивный, сводившийся к узору, что являлось для Леона тем, чем являлось, – главной характерной особенностью его отца.

На самых ранних стадиях Эдипова комплекса у ребёнка есть фантазии, в которых мама носит в себе пенис отца или всего отца и где отец сочетает в себе грудь и влагалище матери – всё в состоянии нескончаемого удовлетворения. Чувства отчуждения и отчаяния Леона чрезвычайно усилились бы с появлением нового ребёнка, наслаждавшимся всем, что, согласно его фантазиям, дарило материнское тело.

Основной для Леона была проблема разобщённости. Беременность его матери наступила в неподходящее для развития четырёхмесячного Леона время, когда он по-прежнему нуждался в исключительных отношениях для получения своих проекций – тем более из-за его катастрофического старта. Он всё ещё был в параноидально-шизоидном положении, на грани депрессивного, старые взаимоотношения с частичными объектами перекрывали новые отношения с целыми объектами. Осознание «покидающего его» психоаналитика

вызвало в нём потрясение. Он почувствовал себя брошенным и мгновенно сделал этот раздвоенный агрессивный жест, адресованный беременной матери. Ласковость, которую он жаждал в отношениях один на один от своей матери на индивидуальной основе, ушла, и его ненависть стала жестокой. Будучи беременной, она была нелюбима им, и когда Леон почувствовал, что она страдает, он ощутил горе большее, чем мог вынести, это вызвало в нём гнев и тревогу. Его это не могло управиться, оно было растерзано чередой неконтролируемых эмоций. В начале своего анализа на первом отменённом сеансе ему даже пришлось разбить свои очки и не явиться на сеанс. Теперь, когда его это стало чуть сильнее, он мог позволить элементам своего Эдипова комплекса вернуться, он мог увидеть мать, нового ребёнка и отца, которые повлияли на его собственную идентичность. Вместо того чтобы быть бесполом и видеть мир сквозь очки матери и отца по причине нахождения в состоянии проективной идентификации с одним или с другим, он впервые проявил настоящее мальчишество, несмотря на то, что он недолго поддерживал его. Вскоре он снова оказался в противоречивых чувствах относительно того, двигаться ли дальше или отступить. По мере того как близился перерыв в сеансах, он рассеивал свои эдипальные переживания, которые были невидимыми в силу того, что он в своих всемогущих фантазиях помещал себя в объекты или между ними, с ними он оставался, и это были его подушки.

Подушки Леона – это десексуализированные родители, которых он разделил и держал рядом с собой, – удобные остатки, пугающие детали которых были выброшены на пол и дверь. Поскольку эти выброшенные объекты настолько раздроблены или обнажены в виде явных узоров, трудно разглядеть характер сексуального расщепления, которое имело место. Это представляется возможным для других похожих на Леона пациентов, у которых ранние стадии Эдипова комплекса образуют точку фиксации. Мелани Кляйн пишет: «Это (фигура объединённого родителя) является одной из характеристик фантазирования на самых ранних стадиях Эдипова комплекса, и в случае его сохранения оно будет губительно и для объектных отношений и для полового развития» [2, p. 55].

На мой взгляд, наиболее важной особенностью этой констелляции является то, что проективная идентификация, которая стремится отделить и атаковать сексуальных родителей, ломает эту объединённую фигуру. Поскольку эмоциональный уровень ранний, объекты перелома в любом случае уже искажены невоспроизводимыми проекциями, а через их перелом и дальнейшие проекции разрушаются их гетеросексуальные созидательные качества и пациент взамен имеет патологических сексуальных объектов – искажённых, неполных и сломанных. Часто отец представляется не как отец или муж, а как садистский, фаллический мужчина, а мать становится слабой явно мазохистской женщиной, оба

воспринимаются как открытые для гомосексуальных союзов против другого пола. Эти фантазии настолько всемогущи, что пациент считает, что он достиг разделения полов и будет, к примеру, мечтать о женщине или рисовать её в своём воображении, но всегда с другими женщинами или девочками, а мужчин, в свою очередь, с другими мужчинами или мальчиками.

К примеру, один из моих пациентов увидел психоаналитика, которая позвала его из приёмной как женщина – чрезмерно чувствительная и слишком старающаяся быть чуткой и приятной. После того как он оказался на кушетке, он почувствовал, что я изменилась. Теперь я стала мужчиной – высоким, отстранённым и высокомерным, – и он сразу же спроецировал себя в эту фигуру и полностью слился с ней.

Пациент, с которым я работала много лет назад, перенёс свои раздробленные образы в сон.

Он был в чужой стране. Там было два дома, стоящих отдельно друг от друга, и каждый из них имел свой теннисный корт. Хотя снаружи тому не было никаких признаков, он знал, что в одном доме была женщина в корсете и чулках, которая хотела заняться сексом; поверхность теннисного корта этого дома была вся в трещинах. А поверхность теннисного корта другого дома была целой. На этом корте двое мужчин лицом друг к другу с явным соперничающим видом играли в теннис без сетки.

Этот пациент расколол раннюю эдипальную пару и поддерживал отдельные отношения с каждым. Его сон наглядно показывает, как глубоко были затронуты его сексуальная жизнь и объектные отношения. Для него мать, несомненно, была притягательной женщиной, которая хотела секса с ним, – в течение длительного времени это являлось одной частью его преобладающего восприятия меня в переносе. В начале анализа он был очень эротизирован, почти полностью идентифицировал себя с безумной, распущенной женщиной – беспорядочные половые связи с разными женщинами были одной из его проблем. В подростковом возрасте этот пациент ощущал, что он был в женском теле с грудью, транссексуальное чувство, настолько близкое к бреду, что он не мог раздеваться в школьных раздевалках или плавать без жилета, который скрывал бы его грудь. Таким образом, получается, что соблазнительная женщина в доме из его сна – это он сам внутри своей матери. Тем временем, на расстоянии один на один мужчины играли в бдительную состязательную игру, не имея возможности знать истинный счёт. Это была другая часть его переноса, которая соответствовала сфере его жизни, карьере, и которая внешне казалась благополучной, хотя он был чрезвычайно завистливым и соперничал со мной (как и со своими деловыми партнёрами) и думал, что я такая же и что мы оба жульничаем, чтобы выиграть. Часто в таких случаях психоаналитик превращается в

наблюдателя, в то время как пациент постоянно ведёт себя сексуально с неподходящими партнёрами, создавая мучительные треугольники, где обладание одним исключает и делает враждебным другой союз.

Леон разбил фигуру объединённого родителя весьма сходным образом с пациентом, который расщепил меня на два разных образа – в приёмной и в кабинете. Как мы смогли увидеть позже в ходе анализа, я как мать должна была отойти от отца, подобраться ближе к Леону и с помощью уговоров добиться ответов на свои вопросы не только тогда, когда он был встревожен и нуждался во мне, но и когда он был настроен враждебно и предпочитал не связываться со мной. Тогда он чувствовал, что я больше не мама, а маленькая девочка, слишком мягкая, не противостоящая его враждебности, а смягчающая её, с унижением и мольбой, которые ужасающе мазохистским образом засасывали его. Подушка, лежавшая с другой стороны, была карикатурой на отца, который глупо идеализировал практичное и банальное, был жестоко безразличным к смыслу и браку и взамен желал подобраться слишком близко к Леону и образовать с ним пару.

Что касается раннего Эдипова комплекса с последующим неправильным ранним развитием, существуют два аспекта, которые ведут пациента к разрушению и вычёркиванию из его поля зрения фигуры объединённого эдипального родителя. Первым из них является стимуляция этой примитивной первичной сцены. Леон, например, чувствовал себя истерзанным стремительной атакой чувств, вынести которые не позволяла ограниченность возможностей его эго. Второй аспект вытекает из фундаментального факта о том, что первичная сцена исключает пациента. На этой ранней стадии, особенно когда имело место чрезмерное использование проективной идентификации для компенсации нарушенных объектных отношений, исключение воспринимается как выталкивание из объекта. Пациент чувствует себя не только невероятно раздражённым, но и посторонним и одиноким – этот двойной аспект я надеюсь проиллюстрировать кратким материалом из клинической истории мистера А.

Мистер А. – интеллигентный и чуткий человек – был мужем и отцом. Ранее в своей жизни он имел несколько гомосексуальных связей и под давлением он всё ещё проявлял сильные гомосексуальные наклонности. В числе причин его прихода ко мне была мучительная ревность к своей жене. Он думал, что она изменяет ему, но не был уверен, действительно ли это было так или он лишь мучал себя фантазиями. Если он видел, что она говорит по телефону или собирается выйти на улицу, он начинал думать, что она планирует заняться, и даже почти занимается, сексом с кем-то другим.

В клинической истории мистера А. было много деталей, которые я должна опустить, чтобы сосредоточить внимание на том, что имеет отношение к данной теме. В некотором отношении мистер А. был как

Леон. Он был ласковым, и у него был сильный инстинкт смерти, в нём сидело убеждение в фундаментальном непринятии нарциссической и всегда озабоченной другими делами матерью. Мистеру А. не хватало надёжно интернализированного правильного объекта, и он использовал проективную идентификацию и всесильный контроль в качестве основных методов взаимодействия с его объектами. В отличие от Леона, ранняя беременность не играла никакой роли в формировании Эдипова комплекса мистера А., ибо он был самым младшим ребёнком в семье. Отрицательным внешним обстоятельством в его семье была степень неприкрытого сексуального отклонения. Судя по всему, отец и мать имели некоторые гомосексуальные наклонности, и с 13 лет старший брат имел интимные отношения с моим пациентом. Поскольку испорченные сексуальные фигуры были одновременно результатом и проекций мистера А., и раскола эдипальной пары, а также действительно в какой-то степени соответствовали его фактическим родителям (а позже и другим реальным объектам), мистер А. часто сбивался с толку и терял чувство реальности. Он стал бояться, что не было никаких объектов, с которыми было бы возможно проверить реальность.

В отличие от Леона, мистер А. был психически очень гибким, и в ходе анализа он был очень эротизирован. Он стремился к немедленному проникновению и обладанию, чтобы убежать от замешательства и тревоги. Потребность внутри ощущать свой объект, не отлучаться и не быть одиноким, мгновенно заслужить признание и создать взбудораживающую пару, было первостепенным для мистера А. и (в дополнение к идентификации) являлось движущей силой его гомосексуальности. В начале он лишил отношения между пациентом и психоаналитиком трансферного смысла – был он и была я. Я была идеализированным «новым» объектом, который давал бы то, что ему не удалось найти раньше, и давал бы это таким образом, каким бы он сам дозволил: без исключения, без ожидания, без вызова тревоги или чувства вины, зависти или ревности в нём или ранив его нарциссизм. В основном его возбуждали гомосексуальные фантазии, в которых он находился внутри большого фаллоса, глядел сверху вниз на меня и контролировал меня – мальчика, который бы восхищался и служил ему. Но если я вдруг тревожила его каким-то образом, он становился холодным и жестоким. Иногда он находился в состоянии проективной идентификации с женственной, более мягкой и развратной фигурой. Гендеры всегда были расщеплены. Этот эротизированный гомосексуальный перенос и осуждение перверсивных эротизированных отношений в течение длительного времени были анклавом, не связанным с его эдипальной ситуацией. Нигде в пределах видимости не было эдипальных фигур – ни в рамках, ни за рамками анализа – как и не было ребёнка в мистере А.

Когда его возбуждение уменьшилось, он стал наблюдательным. Он начал видеть «знаки» в кабинете или мою одежду, речь, близость, пол и т. д., которые то ли приглашали, то ли отвергали его – он не мог сказать что именно. Смешанные эдипальные иллюзии и сомнения по поводу моей сексуальности были спрятаны в его клинической истории. Была ли я и, возможно, всё ещё являлась действительно так же одержимой или чрезмерно увлечённой им, как он мной? Это было таким болезненным периодом в его анализе, что я бы сказала, что мистер А. терпел ужасные муки по мере того, как всплывали его глубинные эдипальные подозрения, иллюзии и смятение. Его параноидальные чувства постепенно ослабли, и он позволил мне ближе подступить к связанным с его объектами и с ним самим стыду, разочарованию, тревоге и депрессии.

По мере того как его сексуальные иллюзии были утрачены в процессе переноса, он иногда начал чувствовать себя болезненно подверженным воздействию эдипальной пары, которая не доводила до конца его фантазии, а отстраняла его. В это время в его жизни были значительные трудности, и «знаки» с большей лёгкостью причиняли беспокойство мистеру А., чем обычно на этом этапе. Важной деталью является то, что в день сеанса я была одета более официально, чем обычно.

В тот момент, когда я встретила его в приёмной, он выглядел тревожно и мрачно. На кушетке он долгое время молчал. Затем он сказал, что ему приснился сон, он говорил быстро, отчаянно и взбудоражено одновременно. Во сне он будто бы был во Франции, где пошёл в ресторан и заказал блюдо из телячьей головы, и когда официант его принёс, голова была без глаз, с чёрными глазницами, с пустым ртом, с чем-то чёрным, с грибами, с вытянутой шеей. Он непрерывно излагал свой сон, вдруг он остановился с тем, чтобы я, как мне показалось, истолковала значение отрубленной головы или невидящих глаз. Впрочем, эффект его быстрого рассказа о том, что он называл сном, – что, я считаю, в действительности было быстрым полётом в психотическую фантазию – был в проецировании хаоса и беспокойства на меня. Мистер А. продолжил: «Затем был длинный французский батон, я его заказал. Или, кажется, его называют багетом?». Он снова сделал паузу.

Через некоторое время он говорил о рюшах на ночном горшке или о тесте пирога, вытекавшем из формы, и так далее. Когда он остановился, я объяснила, что он ушёл в мир своих фантазий и хотел, чтобы я присоединилась к нему, для того чтобы укрыться от хаоса и тревоги, вызванных в нём видом моего костюма. Он ответил: «Я сидел с закрытыми глазами и думал об анализе. Анал-Изе. Костюм? Какой костюм? Ах, вы имеете в виду ваш костюм...». Мистер А. продолжал насмехаться надо мной и притворяться, будто не знал, о чём я говорила. Я высказала предположение о том, что когда он увидел меня и сейчас, когда я говорила с ним, он чувствовал себя под контролем, обязанным заметить мой костюм и говорить о нём, вдобавок к необходимости

ощущать такую тревогу и хаос из-за этого. И что это было настолько неприятно ему, что заставило его прибегнуть к насмешкам и притворству.

Мистер А. продолжил свой французский «сон» или тему с большими вариациями, но его энтузиазм уже убавился. Он закончил с горечью в голосе: «Шарлю Пруста заказал себе агрессивного гомосексуалиста, но всё, что он увидел, были его родители, “занимающиеся этим”». Я сказала, что думала, будто он на сеансе описывал свой опыт. Он хотел, чтобы я присоединилась к нему в мире его гомосексуальных фантазий, но вместо этого он получил меня, выполняющую свою работу, иными словами, родителей, «занимающихся этим», что и заставило его насмеяться и почувствовать горечь. После длительного молчания мистер А. спросил: «Но почему?». Он сделал короткую паузу и сказал: «Мы там не вместе. Я один». И заплакал: «Это нелепо чувствовать себя так».

Мелани Кляйн пишет: «Иногда психоаналитик выступает в роли обоих родителей одновременно – в таком случае часто во враждебном против пациента союзе, в результате чего негативный перенос приобретает большую интенсивность» [2, р. 54–55]. Мой костюм является «символом» враждебной первичной пары, которая так сильно тревожит мистера А., что он вынужден прибегнуть к перверсивным защитным и деструктивным фантазиям. Ранее на сеансах мистер А. погружался в свои гомосексуальные фантазии, становился всё более отчуждённым и загнанным, вплоть до состояния мазохистской депрессии. А на этом сеансе мы с ним сумели справиться с его сильным защитным механизмом против эдипального нарушения и раздражения, и он восстановил свой контакт с собой и со мной. Он тогда осознал, что его родители «занимаются этим», он осознал свою враждебность по отношению к их половому акту и свои горькие чувства из-за предательства. Вдруг на кушетке я увидела мальчика, который жил в нём, он чувствовал себя одиноким и изгнанным, и он плакал.

Прежде чем я завершу, хочу добавить пару слов о технике. Мистер А. оказывал давление на психоаналитика, чтобы тот присоединился к нему в его грубых гомосексуальных фантазиях, так же как Леон давил на психоаналитика для того, чтобы тот был как подушка, – неизменно и бессмысленно. Частью давления «взаимодействовать» с пациентом является давление сформулировать интерпретации, которые признают эту садистскую гомосексуальность или неизменность и бессмысленность. Пациент призывает аналитика игнорировать умственную работу, выполненную последним и которую он всё ещё продолжает выполнять на сеансах, с тем чтобы сохранить невидимой раннюю эдипальную ситуацию, которую он стремится контролировать и полностью уничтожить.

Приведу небольшой пример из клинической истории Леона: когда он принёс сладости и спросил, не хочу ли я угоститься, простое объяснение в виде его стремления быть моим единственным на этом

сеансе не учло бы всю ситуацию – а именно то, что он пытался сделать невидимым и также побудить меня отменить факт перерыва в выходные, означающий, что я, как мать, игнорировала его потому, что у меня был другой ребёнок. Более полное толкование его тоски по матери – той, что не являлась бы также и матерью его брата, – позволило ему выразить, а не утаить свой гнев на мать, которая навязывала ему брата в неподходящее время. С мистером А. была противоположная ситуация. Его давление не заключалось, как в случае с Леоном, в том, чтобы продвигаться слишком медленно или не продвинуться вообще, а в том, чтобы идти слишком быстро, чтобы как можно скорее истолковать содержание его сна. Думаю, если бы я сделала это, он почувствовал бы, что разбил фигуру объединённого родителя, и присоединил меня к себе в гомосексуальных садистских фантазиях. Фактически он чувствовал, что родители остались прежними и «занимались этим» – то есть что я осталась на своей работе и занималась пониманием эмоционального хаоса и нарушений, порождённых в нём Эдиповым комплексом.

Разумеется, психоаналитик должен на каждом сеансе попытаться заново ощутить, что является актуальным и достаточно близким для возможных перемен. Надругих же сеансах изучение основной потребности Леона в отношениях один-на-один или смысла деталей непристойных фантазий мистера А. может быть там, где есть эмоциональная динамика.

Заключение

Леон и мистер А. принадлежат к группе пациентов, у которых Эдипов комплекс не является частью нормального развития с характерным сексуальным влечением и соперничеством. Понимание эдипальной пары навязано им по причине их постоянных механизмов защиты от непрерывного раннего нарушения. Это почти невыносимо, и они используют дополнительные защитные механизмы, чтобы сделать и сохранить Эдипов комплекс невидимым. Следовательно, я не согласна с точкой зрения Кохута о том, что подобные нарушения происходят без наличия Эдипова комплекса.

Прежде всего потому, что проективная идентификация с объектом стала их способом справиться с нарушенными отношениями с их исходным объектом, знание об объединённой фигуре выталкивает их из проективного дома внутри объекта. Кроме того, фигура объединённого родителя – жестокая структура в этих случаях – требует сексуального наблюдения, угрожает вторжением или всасыванием в их постоянную половую связь, вызывает зависть и чрезвычайно усиливает тревогу и депрессию. Поскольку пациент нуждается в интернализированной фигуре, которая способна содержать в себе и изменить это практически непреодолимое состояние души, он чувствует себя наедине с

невыносимой психической нагрузкой и угрожающим хаосом. Для того чтобы разгрузить свою психику и вновь войти в свой объект, пациент в своих фантазиях помещает себя между объединённой фигурой, разделяет пару и проецирует себя в одного или другого члена этой разделённой пары. Эти исключительные отношения, однако, существенно отличаются от предшествующих им доэдипальных. Его объекты, уже будучи искажёнными неправильными проекциями, теперь несут на себе защитные и атакующие следы раскола этого сексуального союза, так что пациент ощущает себя в мире не эдипальных фигур, а испорченных и повреждённых сексуальных объектов. Эта форма расщепления объекта на ранних стадиях Эдипова комплекса является столь особенной по своему эффекту, что, как мне кажется, она должна быть известна под специальным названием раскола объекта. Бесполое обездвиживание Леона и гомосексуальность мистера А. – оба временими с околобретовым смятением – являются двумя из многих форм, которые принимает данная констелляция. Патологические сексуальные отношения в трёхсторонней модели также характерны.

Наконец, из-за отсутствия их внутреннего правильного объекта эти пациенты чувствуют себя малоспособными вынести одиночество. Они должны быть в состоянии проективной идентификации с другим объектом. В анализе Леона одиночество пока даже не является динамичным, и мистер А. всё ещё страдает, когда он осознаёт наличие родительской пары и чувствует себя одиноким. Для них эдипальная история начинается оттуда – с изгнания. С этого, в конце концов, начинается и сам миф: Лай изгоняет Эдипа.

Список литературы

1. Klein, M. "Early stages of the Oedipus conflict". *Int. J. Psycho-Anal.*, 1928, no 9, pp. 167–180. (Reprinted in *The Writings of Melanie Klein*, 1. London: Hogarth Press, 1975, pp. 186–198.)
2. Klein, M. The origins of transference. *Int. J. Psycho-Anal.*, 1952, no 33, pp. 433–438. (Reprinted in *The Writings of Melanie Klein*, 3. London: Hogarth Press, 1975, pp. 48–56.)
3. Klein, M. *The Psychoanalysis of Children* (1932). (Reprinted in *The Writings of Melanie Klein*, 2. London: Hogarth Press, 1975.)
4. Kohut, H. *The Analysis of the Self*. New York: International Universities Press, 1971.

PSYCHOANALYTICAL ANTHROPOLOGY

Edna O'SHAUGHNESSY

psychoanalyst, Member of the Melanie Klein Trust, Distinguished Fellow and Training and Supervising Analyst of the British Psychoanalytical Society. Heath Hurst Road, 22, Лондон, Великобритания; e-mail: ednaos@btinternet.com

THE INVISIBLE OEDIPUS COMPLEX

The article provides O'Shaughnessy's paper presented at the conference dedicated to Melanie Klein and the problem of the Oedipus complex (London, 1987). As a representative of a group of post-Kleinian analysts the author pays great attention to the study of unconscious fantasies, which in her opinion are the basis of all psychic processes. The author makes her mission to give a very clear interpretation of the unconscious fantasies that arise in the process of transference and countertransference.

Developing the ideas of Freud and Klein, the author shows that going through the oedipal period can be so threatening to a young child that he will try to avoid it. This might be caused, for example, by depression in early childhood. Even as an adult such patient seeks to protect himself and keep the Oedipus complex invisible, which significantly complicates the work of the analyst. The author emphasizes that this does not mean that the complex is absent, it is still present in the form of a threat against which the defense is made. The effect of the invisible Oedipus complex in clinical practice can be seen in two stories described in the article.

Keywords: philosophical anthropology, psychoanalysis, the Oedipus complex, transference, projective identification, object relations, oedipal triangle, combined parents figure, defense mechanisms, sexual object splitting

A current controversy about the Oedipus complex is whether it is indeed universal and of central importance, still to be regarded as 'the nuclear complex of development'. It is a clinical fact that there are long periods of analysis – possibly, some have suggested, even whole analyses – in which there seem to be little or even no Oedipal material. In trying to account for this fact, analysts have taken different ways. One way, taken by Kohut and

his followers [4], is to set the Oedipus complex aside, posit a theory of self-psychology and advise a new clinical technique, which focuses on deficit and offers restoration. Kleinians take an opposite way. Their approach, when the Oedipus complex is what I am calling 'invisible', is that this is so, not because it is unimportant, but because it is so important and felt by the patient (from whatever causes) to be so unnegotiable that he employs psychic means to make and keep it invisible.

In this chapter I focus on one small area of the Oedipus complex: its first stages, when these are reached after a disturbed early development. When Klein [1; 3] added early stages and later linked the Depressive Position, on which in her view mental health depends, to Freud's nuclear complex, she expanded the emotional constellation from which the Oedipus complex of each patient takes its very individual form. The patients I describe are struggling to obliterate an early Oedipal situation, which feels continually to be threatening. As will become apparent, feelings of exclusion, problems of separateness and of being single in the presence of an Oedipal pair, and, above all, a distinctive type of sexual splitting are foremost in these patients.

I begin with a detailed account of Leon, who at 11 years of age is nearing puberty, but whose mental life is still largely occupied by defences against his disturbed relations to his primary objects and a traumatic early Oedipal constellation. His presenting problem was panic at any new prospect. A move to secondary school was looming when he began his analysis, and his parents thought he would never manage it. Otherwise, they told me – though fuller seemed not quite convinced – there were 'no problems'. He was 'just an ordinary boy'. Leon was their first child, followed closely by a second, another boy, conceived when Leon was four months old. Leon's younger brother was a head tilter, rowdy and active, while Leon stayed in his room with a book, although he would go out to play if a friend took the initiative. Only with difficulty could his mother bring herself to talk about Leon's infancy, which she said was 'terrible'. He had cried for hours; she could not bear that, or the feeding. 'Not what I expected,' she kept repeating. This limited and, particularly on the mother's side, un insightful picture of Leon – intolerable as an infant, and now, his anxieties unrecognized, with parents not expecting him to want or to be able to manage life – foretold accurately part of what unfolded in the analysis.

On the first day Leon placed himself near and opposite me, seating himself with a sort of screwing-in movement on a little bench in-between two cushions. Except for two sessions, during the first 18 months of analysis he left his bench only to go to the toilet. He watched me through two different pairs of glasses – one like his mother's, the other like his father's – checking the room or myself for the smallest movement or change. Any change made him acutely anxious. He seemed younger than his years, a depressed, lumpy, soft boy, who conveyed that he had almost no hope of being understood. His appearance could change astonishingly. He could 'become' and look like

some version of his father, or 'become' and look like his mother; he also 'became' a small sick infant, and at times he looked strangely enlarged. These changing appearances were due, I think, to his projection into and almost total identification with his objects on an early feeling level. The figures he let into – or which he felt forced themselves into – his inner world, he experienced in a similarly physical and concrete way; they possessed him, and he personified them. Leon experienced analysis as a disturbance that he was both against and also for, sometimes gratefully so. He said once, 'I don't want you, I need you.'

In the beginning, after inserting himself between his cushions and checking the room quickly for change, he spent his sessions staring silently at the floor below or the door opposite him. I elicited that he saw clots on the floor, that they 'pulled him in' and 'made him dizzy', but that by looking away he could get out. About the door he said he 'saw patterns'. He pointed out what he called a 'pattern': distinctly a penis with testicles. He described how the door moved nearer and nearer, but if he left the room and came back, the door would be at its proper distance again. He reported these events in a matter-of-fact voice in answer to questions over many sessions, the anxiety that underlay these near hallucinations and his fascination with them totally split off. He seemed to be fragmenting into dots and patterns two terrifying internal objects and emptying them out of his mind onto the floor and the door. There he watched them, withdrawn from contact with myself or the playroom, trying to stay in control and to remain free of anxiety and emotional content. He could never succeed in staying mentally void and withdrawn for long. Momentarily, terror pushed into him, or a flash of hatred of me, or acute depression, or a sudden tenderness. He would quickly rid himself of these intense contradictory feelings, which pushed and pulled him about. He had an ongoing conflict whether to withdraw or whether to allow contact, a conflict indicated by his feet, which retreated under his bench, came out towards me and then retreated again. Sometimes he blocked his ears, more often he listened intently. After the first few months his enormous latent anxiety was greatly lessened, which brought him much relief. And, to his parents' astonishment, he managed the move to secondary school without panic.

This brings me now to the subject of Leon's Oedipus complex. It was possible and necessary to continue to interpret his fear of the smallest change, his need of an empty mind, his wish to keep me always curious and closely attentive, his chronic anxiety that I would not understand him, but come too close, or force his feelings back into him, etc., etc. But between whom and what were these processes occurring? What was the symbolic significance or equivalence of Leon's inserting himself between two cushions on the bench? What was the meaning of the movement and change he dreaded? What or who was I in the transference? In Leon's denuded universe I found it difficult to speak of meaning: it sounded artificial, and if I persisted it also aroused his anxiety and hatred.

To consider this more closely, if I interpreted that he did not expect me to understand him, he sometimes acknowledged such an interpretation with relief and, I came to notice, with more than a hint of a gloat. However, if I went a step further and spoke of myself as being like an inadequate parent, he became anxious. 'No! You're not like my Mum'. One issue that emerged was that he heard me as being disparaging of his mother and father and narcissistically implying that I was superior to them. This aroused his loyalty to his parents and, in addition, a fear of forming a nasty collusion with me against them. Beyond this, however, there was something more important. If I referred to myself as a parent in the transference, Leon became enraged and anxious; in contrast, if I interpreted his projection into me of a confused watching child while he felt he was being a cruelly indifferent father or mother (often, I thought, one of the dynamics in his sessions), Leon liked especially that bit of the interpretation in which I referred to myself as the child. He received it with satisfaction, as if to say, 'Ah, you admit it. You *are* a child.' Thus, while seeming to comply with the view that he had parents who had supposedly arranged for him to have something called psychoanalysis, a part of him privately held another view of the proceedings: he was big, his parents and I were little, and he had attractive superior activities – the dizzy pull of the floor and the nearing of the door – and from on high he watched our little goings on, sometimes even protecting us. In one of his rare spontaneous remarks he said to me loftily, 'I know all your little habits. I know the way your watch on your arm slips around. I know the way your shoe slips off.' These two selected observations are accurate. I thought their meaning was that he knew how my watch – that is, his mother's eye – had the habit of slipping round him and not really seeing him. And he also knew his father's habit of not staying in himself and slipping off, i.e., projecting himself into and getting too close and involved with Leon. But Leon did not want these 'little habits' to be transference phenomena with a dimension of meaning such as my watch to be linked to an eye. He cut the links between his inner world and his analysis, which he stripped of meaning, and he wanted me to accept and to adopt his disconnections and also to endorse his omnipotent phantasy of reversal – that he was big and I was little – and to join him in this as in other things.

I was also at this period drawing Leon's attention to how he mostly spoke softly, to draw me near to him to hear, and also how I had to come to him with questions, as he rarely spoke voluntarily. I interpreted that he felt that he pulled me so near that I became like the cushions next to him. I pointed out that he wanted me to stay very close, never disturb him, not make any connections or expect him to change, while he sat and looked on from on high, unmoving. Leon agreed that this was what he wanted. He also amplified with further freely given accounts of himself when I related what he let me see in the playroom to his daydreaming at school and his liking to stay in his room at home. But when I tried to explore the meaning (almost always there seemed to be some part of his ego for which meaning remained a possibility in

spite of his continual stripping) of his high observatory, interpreting, however gradually, that with the movements he made when he sat down he imagined that he inserted himself into a home in mother's body, there to be the baby inside, or that he felt he held mother and father down on either side of him and so prevented their moving and coining together, or that sometimes he felt altered and big and saw me from afar as small, Leon was both enraged and disturbed. Often he rushed out of the room to the toilet, blocked his ears on return and told me, 'I hate your talking.'

At such moments, instead of being his cushions – he once explained he did not mind other little changes in the room, so long as the cushions did not move – he saw me exercising my analytic function. I then became parents who move and so destroy his phantasy of being inside. His rush out of the room expressed his momentary ejection from his seat on the bench, a change that made him hate me.

It is interesting to return for a moment to the beginning of his analysis, to the time when a change first occurred. By checking the room and knowing the fixed routine of his sessions, Leon was maintaining an overall phantasy world of no change, no separateness, and no separations – the gap between sessions or at weekends did not exist for him. This routine was first altered by my not working on a Monday Bank Holiday. He failed to arrive for the last session of the preceding week; during his hour his father telephoned in a panic, saying he had arranged to meet his wife and son at the underground and then bring Leon to me, but they were not there.

On the Tuesday Leon arrived, wearing no spectacles. At first he was terrified of being punished and pushed out of his home on his bench or even out of analysis altogether for missing a session, and he was relieved when I interpreted his acute anxiety. Then he tried to re-establish me as his cushion close to him, staying silent, making little movements to get me attentive and around him. After this he told me he had dropped his glasses during the weekend, and they had smashed. He then stared short-sightedly at the door on which he said there were 'waves', and the floor, on which he said there were 'bits not as nice'. I think Leon had found the changed routine unbearable, could not come, had smashed his sight and smashed also the objects of which 'waves' and 'not nice bits' were the residues, but so residual that it was impossible to know what he had fragmented and expelled.

After eight months or so of analysis, Leon was more able to bear contact with the content of his psychic life, and then the nature of the change he dreaded became clear as over widely spaced sessions bits of his early oedipal situation returned. First there was his move from the bench, to sit for the first time at the table. He took out a pack of cards, and we played a game. He was secretly enormously pleased to have moved. The next day he again sat at the table. He took out a different pack of cards. During the game he said, 'These cards are someone else's. They are nicer than mine,' speaking as if stating a fact accepted by him and me. He never brought cards again, and for ten months

more never moved from his bench. Through this painful episode he gave me a glimpse of the trauma that the birth of his brother had been and still is to him, and of his belief in a family presumption that his brother was nicer than he. Leon showed me that he surrendered and did not compete; for a long while he never tried again in the playroom, just as he did not try at home or at school.

Following the two sessions with the cards, he resorted to various manoeuvres to find out the next holiday dates without actually *asking*. When I told him the dates, he gave one of his rare smiles and said 'O.K.', nodding his head happily. Then, with the approach of the break, several early oedipal feelings pressed into consciousness.

On the last day of the week Leon brought a roll of sweets. He asked me if I would *like one*, slightly emphasizing 'like' and 'one'. I interpreted that he wished to know whether I liked what he was offering and, really, whether I liked him. I went on to say that he was expressing his longing for me as a mother who had only him, rather than the mother who had his brother, too. Leon was furious. He pushed and pulled the knobs on his electronic wrist watch very fast, saying angrily, 'I'm getting the time right.' I said he felt I had mentioned his brother at the wrong time, just when he was longing to have me to himself, and rage and disappointment were now pushing and pulling him about. I linked these feelings to his infancy, and how the baby that was still there in him felt that his mother, by becoming pregnant when he was four months old, filled herself with his brother at the wrong time, because he still needed to have her for himself. Leon continued to push and pull furiously at his watch, all his sweetness gone. He rushed out to the toilet, returned looking empty, and became very sleepy. However, when he said good-bye, he nodded his head, as if to say 'O.K.'

On the Monday he was burdened, and instead of cursorily checking that the room was the same he kept looking curiously about. He spoke longingly of 'the chair with the cushion' at the far end of the room. This 'chair with the cushion' was more capacious, and he would be more comfortable, and as it is not opposite me he would not be closely watched or watching me. He said with great pain that it was 'far'. I am not certain what this 'chair with a cushion' meant to him, but it was the first time Leon had seen a place he wanted to get to and realized he could not, that it was at the moment too far for him. With insight into himself it was a widening of horizons.

He did not look at the 'far' chair in the next few sessions. He restricted the area on which he used his eyes to the small patch of the floor beneath him. Each time he was about to speak, he put his hand over his mouth and stopped himself. He became withdrawn and then despondent. When I spoke to him about the strong force in him that stopped him talking and moving, and how he felt hopeless about ever being able to reach what he longed for, he was very moved.

The last session of the week was again different. Leon came in without looking at me – not even when I opened the front door to him – and in the playroom he kept me entirely out of his vision. I interpreted that he did

not want to see me because at the end of the week I was his going-away analyst. As if a shock-wave were passing through him, Leon's whole body shook. Then he kicked violently in my direction and made a rude gesture of 'up you'. He split off his feelings and became aloof. He said coldly, 'I am looking forward to the holidays.' I agreed that he was, that he wanted to be free of me, now a hateful disturbance to him. 'Yes,' he answered with a cruel smile. I remarked on his cruel satisfaction, and he was instantly anxious, rushing out to the toilet; when he returned, he listened intently to my voice to assess my state of mind. When I next looked at him, I had a shock. Quite unconsciously he had bulged his jacket out like a pregnant woman, and his face had changed and become his mother's. He sat looking more and more suffering and unloved. I think he had incorporated and was totally identified with an analyst/mother whom he had cruelly called 'a hateful disturbance'. When I said that he seemed to be feeling the suffering inside of him of his unloved pregnant mother, Leon's face worked in distress. For a moment it was real grief. Then he looked angry and anxious. Somewhere in the house a noise sounded. The word 'man' was drawn unwillingly from him: 'M-A-N', he said. It was his recognition of father's presence when mother was pregnant with his brother.

When the session ended, he was both trying desperately to pull me closely round him by his usual methods, and also repeatedly making three taps in a very menacing way, indicating how again and again there is a hateful, threatening three. As he was going, he prodded the wall as if feeling its solidarity and sensing the barring quality of a baby or perhaps a father who closes mother to him.

The end of this sequence was on the Monday. Leon looked different, for the first time like a boy nearing puberty, in smart trousers, such as a twelve-year-old might choose. At first he was more communicative and active than usual, but as the session went on he was in increasing conflict – his feet coming out and going back under his bench – whether to continue to go forward or retreat.

In the last week he became a high onlooker from his position between the cushions. The sessions were immobilized, and there were no significant elements, dyadic or oedipal. The coming holiday was idealized. He said he was glad to get away because here it was 'empty' and 'boring'.

His Oedipus complex was not the kind where sexual desire for mother and sexual rivalry with father are foremost. Leon started not with a parental pair, but with a menacing three – mother pregnant with a new baby and father. There was no rivalry; instead, as he showed in the sessions with the playing cards, there was surrender. Leon competed neither with his sibling nor with his father – he retreated. The onset of the oedipal situation was so intolerable to him that he expelled his own and his parents' sexuality. When he started analysis, his internal sexual objects were ejected onto the floor and the door, and he looked sexless. On the floor was a contused vagina and

mouth, minutely fragmented into dots that sucked him in or made him dizzy, which he saw as 'not as nice'. On the door was a more intact father's penis, alarmingly invasive, reduced to a pattern, which was what it was for Leon – his predominant identification was with his father.

In the earliest stages of the Oedipus complex the infant has phantasies of mother containing father's penis or the whole father, and of father combining with mother's breasts and vagina, all in a state of perpetual gratification. Leon's feelings of exclusion and frustration would have been enormously increased by a new baby in reality inside mother enjoying all that he phantasized was granted in mother's interior.

Foremost for Leon was the problem of separateness. At four months, his mother's pregnancy came at the wrong time in his development, when he still needed an exclusive relationship for the reception of his projections – all the more because of his disastrous start. He was still in the paranoid-schizoid position, on the brink of the depressive position, old relations to part-objects overlapping with emerging relations to whole objects. The perception of a 'going-away' analyst sent a shock-wave through him. He felt ejected and instantly made a two-pronged attacking entry of 'up you' on the pregnant mother. The sweetness there was in him on the 1:1 basis he longed for with his mother was gone, and his hatred turned cruel. Pregnant, she was unloved by him, and when Leon sensed her suffering, he felt a grief more than he could bear making him angry and anxious. His ego could not cope: it was pushed and pulled about by a succession of unmanageable emotions. At the first cancelled session near the start of his analysis he even had to smash his glasses and stay away. Now that his ego was a little stronger, he could allow elements of his Oedipus complex to return, to see mother, new baby and father, which affected his own identity. Instead of sexlessness and seeing the world through mother's and father's glasses because of being in a state of projective identification with one or other of them, he had a proper boyishness about him for the first time, even though he did not maintain it for long. He was soon again in conflict whether to go forward or retreat. As the break drew near, he dispersed his oedipal experiences, which were invisible as he inserted himself in omnipotent phantasy into and between objects with whom he stayed and which were his cushions.

Leon's cushions are de-sexualized parents whom he holds apart and around himself – the comfortable remainders from which frightening components have been expelled onto the floor and the door. Because these expelled objects are so minutely fragmented or denuded into a mere pattern, the nature of the sexual splitting that has taken place is difficult to see. In other patients like Leon for whom the earliest stages of the Oedipus complex constitute a fixation point this is more possible. Melanie Klein writes, 'this (the combined parent figure) is one of the phantasy formations characteristic of the earliest stages of the Oedipus complex and which, if maintained in strength is detrimental both to object relations and sexual development' [2, p. 55].

In my view, a most important feature of this constellation is that the projective identification that aims to separate and attack the sexual parents *fractures a combination*. Because the emotional level is early, the objects of the fracture are in any case already distorted by unretrieved projections, but through their fracture and further projections their heterosexual procreative qualities are destroyed, and the patient has instead pathological sexual objects – distorted, incomplete and broken open. Often the father is seen not as father or husband but as a sadistic, phallic male, and the mother becomes a weak, open, masochistic female, both felt to be open to homosexual alliances against the other sex. These phantasies are so omnipotent that the patient believes he has achieved a separation of the sexes and will, for instance, have dreams about and make references to women, but always with women or girls, and men are again always with other men or with boys.

For instance, one of my patients saw the analyst who fetched him from the waiting room as female, over-sensitive and too eager to be empathic and nice to him. Once he was on the couch, he felt I had changed. I was male, high, aloof, and condescending, and he immediately projected himself into this figure, becoming totally like it.

A patient I analysed many years ago brought his fractured images in a dream.

He was in a foreign country. There were two houses apart from each other, each with a tennis court. In one house, though there was no sign of it on the outside, he knew there was a woman inside with a corset and stockings wanting to have sex; the surface of the tennis court of this house was cracked. The surface of the tennis court of the other house was intact. There, two men were facing each other, playing very competitive tennis without a net.

This patient has split apart the early oedipal couple and maintained separate relations to each. His dream illustrates how profoundly affected both his sexual life and his object relations were. For him, the mother was an evidently cracked and seductive female, wanting sex from him – one-half of his predominant perception of me in the transference for a long time. At the start of analysis he was himself highly erotized, feeling almost totally identified with a mad, promiscuous female – promiscuous sex with promiscuous women was one of his problems. During adolescence this patient had felt he was in a feminine body with breasts, a transsexual feeling so near to delusion that he had been unable to undress in the changing rooms at school or swim without a vest to conceal his chest. The seductive woman in the house in his dream was thus also himself inside his mother. Apart, meanwhile, males played a watchful, competitive face-to-face game, with no way of knowing the true score. This was the other half of his transference, which corresponded to the area of his life, his career, which on the surface was intact, although he was enormously envious and competitive with me (as he was with his business associates) and believed me to be so with him, both of us cheating to win. Often, in these

cases, the analyst is made into a watcher, while the patient repeatedly acts out sexually with unsuitable partners in painful triangles, where possession of one excludes and makes hostile another of the combination.

Leon fractured the combined parent in a rather similar way to the patient who split me between waiting and consulting room. As we were able to see later in the analysis, as mother I was to be drawn away from father, come closer around him and coax him with questions, not only when he was anxious and needed me to, but also when he was hostile and chose not to relate to me. His feeling then was that I was no more a mother but a little girl, too soft, who does not confront his hostility but cushions it, with abasement and pleading that turns into a horrific masochistic sucking him in. The cushion on his other side was a caricature of father, stupidly idealizing the practical and ordinary, cruelly aloof from meaning and marriage, and wanting instead to come too close and pair with Leon.

With respect to the early Oedipus complex following on faulty early development, there are two aspects that drive the patient to fracture and obliterate out of sight the combined oedipal parents. The first of these is the stimulation of this primitive primal scene. Leon, for instance, felt pushed and pulled about by an onslaught of feelings beyond the limited capacity of his ego to tolerate. The second aspect arises from the fundamental fact that the primal scene excludes the patient. At this early stage, and especially when there has been an excessive use of projective identification to compensate for disturbed object relations, exclusion is experienced as ejection from the object. The patient feels not only impossibly stimulated but also outside and alone – twin aspects I hope to illustrate with some brief material from Mr. A.

Mr. A, an intelligent and sensitive man, was married and a father. Earlier in his life he had had several homosexual relationships, and under pressure he still had strong homosexual inclinations. Among his reasons for coming to me for an analysis was tormenting jealousy of his wife. He thought she was betraying him sexually – but he was not sure whether she really was or whether he was only tormenting himself with phantasies. If he saw her speak on the telephone or make herself ready to go out, he saw her planning, and almost having, sex with someone else.

There were many strands in Mr. A's analysis that I must ignore to focus on what is relevant to this chapter. In some respects Mr. A was like Leon. He was affectionate, and he had a strong death instinct and at depth a conviction of fundamental non-acceptance by a narcissistic and otherwise preoccupied mother. Mr. A lacked a securely internalized good object and used projective identification and omnipotent control as his main methods of operating with his objects. Unlike Leon, an early pregnancy played no part in shaping his Oedipus complex, for Mr. A was the youngest sibling. The adverse external circumstance in his family was the degree of overt sexual disturbance. Father and mother seemed to have had some homosexual inclinations, and from the age of 13 an elder brother had had sexual relations with my patient. Since

debased sexual figures were both the result of Mr. A's projections and fracture of the oedipal pair, and also really corresponded to his actual parents to some extent (and later to other real objects), Mr. A was often confused and suffered a loss of reality sense; he became terrified there were no objects with whom reality testing was possible.

Unlike Leon, Mr. A was psychically highly mobile, and during the analysis he was highly erotized. He aimed for instant penetration and possession to take him away from confusion and anxiety. The need to feel inside his object, not to be out and single, to be instantly recognized and form an excited pair was paramount in Mr. A and was (in addition to identifications) the driving force behind his homosexuality. In the beginning he stripped the relation between patient and analyst of transference meaning – it was he and I, personal. I was an idealized 'new' object who would give him what he had failed to find before, and give it to him in a way he could tolerate, with no exclusion, no waiting, without stimulating anxiety or guilt or envy or jealousy or wounding his narcissism. Mostly he was excited by homosexual phantasy in which he was inside a high phallus looking down on and in control of me – a boy who would admire and serve him. But if I disturbed him in some way, he turned cold and cruel. Sometimes he was in a state of projective identification with an effeminate, softer, more corrupt figure. The sexes were always split. This erotized homosexual transference and a conviction of perverse erotized relations obtaining everywhere was for a long time an enclave disconnected from his oedipal situation. Oedipal figures were nowhere in view, in or out of analysis, and nor was the child in Mr. A.

As his excitement lessened, he grew watchful. He started to see 'signs' in the room, or my clothes, speech, of intimacies, parties, sex. etc., which invited him or excluded him – he could not tell which. Confused oedipal delusions and doubts about my sexuality were hidden in his material. Had I been, was I perhaps still, actually excited and over-involved with him, as he was with me? It was so painful a period of his analysis that I would say Mr. A was in anguish as his deep oedipal suspicions, delusions and confusions emerged. His paranoid feelings decreased gradually, and he allowed me more contact with his shame, disappointment, anxiety and depression about his objects and himself.

As his sexual delusions faded in the transference, he began sometimes to feel painfully exposed to an oedipal pair who do not consummate his phantasies but exclude him. There were very considerable difficulties in his life at this time, and Mr. A was more easily disturbed by 'signs' than was usual at this stage. An important detail is that on the day of the session I report I was more formally dressed than usual.

The instant he saw me when I fetched him from the waiting room he looked anxious and dark in the face. On the couch he was silent for a long time. Then he said he had had a dream, and speaking fast and sounding both desperate and excited he said he was in France, and he had gone to a restaurant, and he had ordered 'tête de veau', and when the waiter brought it, it

was on the plate without its eyes, black eye sockets, vacant mouth, black stuff, mushrooms, neck standing up. ... He went on and on. He paused, waiting, I thought, for me to interpret something about a chopped-off head or unseeing eyes. However, the effect of his rapid relating of what he was calling a dream – which I think was really a swift flight into psychotic phantasy – had been to project chaos and disturbance into me. Mr. A continued: “Then there was some string – do you say “fiselle?” This is what I ordered. Or was it “cervelle” ...?” He paused again.

After a while he spoke about a frill on a chamber pot, or a cake oozing out over the edge, and so on. When he stopped, I interpreted that he had gone into the world of his dream and wished me to join him there, to get away from the chaos and disturbance that the sight of my suit had caused in him. He answered, ‘I had my eye shut. I was thinking of analysis, anal Isis. Suit? What suit? Oh, you mean your *suit*...’ Mr. A continued mocking me and falsely pretending not to know what I was talking about. I suggested that when he saw me and now when I spoke to him, he felt controlled, ordered to notice my suit and talk about it, on top of being made to feel so disturbed and chaotic by it, and that this was so offensive to him that it drove him to mockery and pretense.

At slower speed Mr. A continued with his French ‘dream’ or theme with more variations, but his excitement was lessening. He ended saying in a bitter voice, ‘Proust’s Charlus ordered some rough trade and all he saw was his parents “doing it”’ I said I thought he was describing his experiences in the session. The rough trade he wanted was having me join him in his world of homosexual phantasy, but what he became aware of instead was me at my job, that is, parents ‘doing it’, which made him feel bitter and sneering. After a long silence Mr. A said, ‘But why?’ He paused, and said, ‘We are not there together. I’m alone.’ He began to cry, saying, ‘It’s ridiculous to feel like this.’

Melanie Klein writes, ‘Sometimes the analyst appears simultaneously to represent both parents – in that case often in a hostile alliance against the patient, whereby the negative transference acquires great intensity’ [2, pp. 54–55]. My suit is the ‘sign’ of a hostile primal pair, who are so enormously disturbing to Mr. A that he is impelled to perverse defensive and destructive phantasies. Previously, Mr. A would have immersed himself in homosexual phantasies for sessions; he would have become increasingly aloof and persecuted and ended with a masochistic depression. In this session, he and I could get through his fast, massive defences against oedipal disturbance and stimulation, and he recovered his contact with me and himself. He was then aware of his parents’ ‘doing it’, his hostility to their intercourse and his bitter feelings of betrayal. The boy in the man was suddenly on the couch, and he felt alone and cast out, and he cried.

Before I conclude, a brief word on technique. Mr. A pressured the analyst to join him in rough homosexual trade, as Leon pressured the analyst to be a cushion in unchangingness and meaninglessness. Part of the pressure to ‘act in’ with the patient is the pressure to formulate interpretations that accept

that rough trade or unchangingness and meaninglessness are all there is. The patient invites the analyst to ignore the mental work he has done, and which he is still doing in the session, to keep invisible an early oedipal situation he is endeavouring to control and obliterate.

To give one small example from Leon's material: when he brought sweets and asked if I would *like one*, simply to interpret his longing to be my only one in this session would not take into account the full situation – viz., that he was trying to make invisible and induce me, too, to annihilate the tact of a weekend break which meant that I as mother shut him out because I had another baby. The fuller interpretation of his longing for a mother who was not also the mother of his brother enabled him to express rather than keep split-off his rage at a mother forcing a brother on him at the wrong time. With Mr. A, there was the opposite problem in the session reported. His pressure was not, as with Leon, to go too slowly or not go at all, but to go too fast, to rush to interpret the content of his dream. Had I done so, I think he would have felt that he had fractured the combined parents and annexed me to himself homosexually in 'rough trade'. As it was, he felt the parents stayed firm, and were 'doing it' – i.e. that I had stayed at my job of understanding the emotional chaos and disturbance the oedipal combination caused him.

Naturally, an analyst has to try to sense afresh in every session what is urgent and near enough to be potentially dynamic. In other sessions, the exploration of Leon's primal need for a 1:1 relationship, or the meaning of the details of Mr. A's swift phantasies, may be where the emotional dynamic is.

Summary

Leon and Mr. A belong to a group of patients whose Oedipus complex is not part of a normal developmental thrust with sexual desire and jealous rivalry foremost. Awareness of an oedipal pair, because of their ongoing defenses against their continuing early impairment, is forced upon them. It is almost intolerable, and they use further defenses to make and keep it invisible. I thus disagree with the Kohutian view of deficit with no Oedipus complex in these cases.

Above all, because projective identification into the object has become their mode of coping with their disturbed relations to their original object, awareness of a combined figure ejects them from their projective home inside the object. In addition, the combined parents – a cruel structure in these cases – demand sexual watching, threaten invasion or suction into their perpetual intercourse, stimulate envy, and enormously increase anxiety and depression. Because the patient lacks an internalized figure that can contain and modify this nearly overwhelming state of mind, he feels alone with an intolerable psychic load and threatening chaos. To disburden his psyche and re-enter his object, the patient in phantasy inserts himself between the combined figure, pulls the couple apart, and projects himself into one or other of the separated

pair. These exclusive relations, however, differ significantly from earlier pre-oedipal ones. His objects, distorted already by unretrieved projections, now bear the marks of the defensive and attacking fracture of their sexual combination, so that the patient feels himself to be in a world not of Oedipal figures but of debased and damaged sexual objects. This form of splitting an object in the early stages of the Oedipus complex is so distinctive in its effect that it should, I think, be known by the special name of fracturing an object. Leon's sexless immobilization and Mr. A's homosexuality, both with at times near-delusional contusion, are two of the many forms this constellation takes; pathological sexual relations in a triangular framework are also characteristic.

Finally, because of their lack of an internal good object, these patients feel little capable of bearing singleness. They must be in a state of projective identification with another object. In Leon's analysis singleness is not yet even a dynamic, and Mr. A, well on in his analysis, is still in distress when he perceives the parental couple and feels alone. For them the oedipal story begins there – cast out. This, after all, is where the original myth began: Laius cast out Oedipus.

References

1. Klein, M. "Early stages of the Oedipus conflict". *Int. J. Psycho-Anal.*, 1928, no 9, pp. 167–180. (Reprinted in *The Writings of Melanie Klein*, 1. London: Hogarth Press, 1975, pp. 186–198.)
2. Klein, M. The origins of transference. *Int. J. Psycho-Anal.*, 1952, no 33, pp. 433–438. (Reprinted in *The Writings of Melanie Klein*, 3. London: Hogarth Press, 1975, pp. 48–56.)
3. Klein, M. *The Psychoanalysis of Children* (1932). (Reprinted in *The Writings of Melanie Klein*, 2. London: Hogarth Press, 1975.)
4. Kohut, H. *The Analysis of the Self*. New York: International Universities Press, 1971.